
ARISTOCRATIC CRITICISM OF FRENCH ABSOLUTISM
IN THE LATE XVII - MIDDLE XVIII CENTURIES

© 2013

Е.А. Куцева, candidate of the historical sciences, associate professor of the department
of «World history and methodology of education»
Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara (Russia)

Annotation: The article looks upon the changes in the aristocratic criticism of the royalty in the late XVII - middle XVIII centuries. The author gives the examples of various forms of aristocratic criticism from demanding of return to old traditions to suggesting that there should be reforms.

Keywords: French aristocracy, nobility, absolutism, criticism of royalty, reform projects.

УДК 94(420)

**«ИМПЕРИЯ В МИНИАТЮРЕ»: ИСТОРИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПОИСКАХ
МАСШТАБА И РАКУРСА**

© 2013

С.Г. Малкин, кандидат исторических наук, доцент кафедры
«Всеобщей истории и методики обучения»

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (Россия)

Аннотация: Статья посвящена современным подходам к историографии о Британской империи; особое внимание уделяется научным перспективам компаративистских исследований окраинной и колониальной политики современных европейских империй, соотношению параллельных процессов формирования национальной идентичности и строительства империи.

Ключевые слова: империя, колония, окраина, Великобритания, Шотландия, Ирландия.

Одним из важнейших достижений историографии, посвященной Британской империи, в последние два десятилетия представляется преодоление гипнотического воздействия малопродуктивной оппозиции европейских морских и континентальных империй Нового времени, приводившей к ошибочной абсолютизации естественных различий между ними. Не удивительно, что до недавнего времени (в ряде случаев и до сегодняшнего дня) в качестве аналогов Британской империи рассматривались преимущественно Французская или Испанская колониальные империи. Разумеется, едва ли не важнейшим предметом сопоставления в этом случае являлись заморские владения этих держав, а объектом изучения – колониальная политика за океанами. Фактически вплоть до конца XVIII в. историки смотрели на Британскую империю глазами самих британцев, либо вовсе отрицавших представление о собственной стране как об империи (о Соединенном (с 1707 г.) Королевстве Великобритании и (с 1801 г.) Ирландии), либо соглашавшихся отнести к ней лишь заморские колониальные владения. Даже на рубеже XIX–XX вв., в момент расцвета Британской империи, классик теории британского империализма, профессор Кембриджского университета Джон Роберт Сили был вынужден разъяснять своим соотечественникам, что такое «Великая Британия» и в чем связь между колониализмом, империализмом и процветанием Великобритании в будущем [1]. Даже провозглашение королевы Виктории императрицей Индии в откровенно имперском XIX в. (1876 г.) вызвало в Британии неоднозначную реакцию. Лидер либералов Гладстон определил произошедшее как «театральную напыщенность», а лидер тори и тогдашний премьер-министр Б. Дизраэли заявлял, что «имперский стиль может понравиться индийским радхам» (о том, понравится ли он британцам в метрополии, умалчивалось) [2, с. 192].

Между тем, Анна Лора Столер и Фредерик Купер, изучавшие морские империи, высказали важное методологическое наблюдение: «Концепции долгого XIX в. в европейской истории слишком сосредоточены на “нации-государстве” и проявляют недостаточный интерес к “империи”» [3, с. 51]. Этот тезис развил недавно Генри Кеймен: «Мы привыкли к мысли о том, что Испания создала свою империю, но полезнее было бы поработать с идеей о том, что империя создала Испанию» [4, с. 10]. Схожую мысль применительно к истории Британской империи высказала Линда Колли, показав, как много значили имперские успехи в формировании обще-

британской идентичности в островной метрополии [5]. Действительно, именно имперские элиты активно способствовали формированию наций в рамках собственных империй и никогда не пытались включить все имперское пространство и всех подданных империи в такой проект национального строительства.

Исключив такую исследовательскую перспективу, многие исследователи истории Британской империи лишили себя возможности заметить то важное обстоятельство, что на протяжении всего XVIII, XIX и даже начала XX вв. более уместно говорить о двух параллельных и тесно взаимосвязанных проектах имперского строительства – на Британских островах и за океанами. При этом в отношениях со своими кельтскими окраинами – Ирландией и Горной Шотландией – Лондон руководствовался, во многом, той же логикой, что и типичные континентальные империи в отношениях со своей периферией, не отделенной от метрополии огромными морскими пространствами.

Как точно определил Алексей Миллер, разрушение «Берлинской стены» в компаративистских исследованиях между морскими и континентальными империями увеличило познавательный потенциал сравнительного подхода к истории империй, в том числе и Британской [3, с. 53]. И если об Ирландии как о «первой колонии Англии» говорили давно, то о Горной Шотландии в таком ключе стали писать только с середины 1970 гг. [6; 7; 8]. В современной российской британистике это направление исследований еще формируется [9; 10]. О включенности кельтских окраин в процессы имперского строительства за морем на правах активных участников и авторов колониальных проектов заговорили только в 2000 г. [11; 12].

Между тем, включенность Ирландии и Шотландии в процесс имперского строительства по-прежнему подразумевает, прежде всего, участие ирландцев и шотландцев в колониальных предприятиях за рубежом, в отрыве от имперских процессов, протекавших в островной метрополии. В рамках институциональной истории, пожалуй, именно Джоффри Плэнк первым обратил внимание на то, как британские генералы и администраторы приобретали колониальный (если не всегда по форме, то часто по содержанию) опыт управления в Хайленде. Этот опыт они применяли затем в заморских владениях (и верно обратное), представив британскую армию в Горной Стране не столько инструментом в руках правительства, сколько самостоятельным институтом с собственными

представлениями о своей роли и задачах в умиротворении Горного Края, формировавших перспективу применения и значения армии в подобных процессах в других регионах (в колониях) [13]. А Джейн Олмейер предложила рассматривать Ирландию как своеобразную «лабораторию империи», где вырабатывались характерные черты более поздней британской (изначально английской) колониальной политики [14, p. 26–60].

В том, что касается построения общебританской идентичности в этой самой первой Британской империи, то своеобразным ответом работе уже упоминавшейся Линды Колли (1992 г.) стали исследования 1990 гг., в особенности, сочинения Риса Дэвиса и Роберта Бартлетта. Они вскрыли многие аспекты имперского строительства на Британских островах еще в эпоху Средневековья, развивая концепцию самой первой «первой Британской империи». Дж.Кларк на рубеже тысячелетий вновь напомнил, что общебританская идентичность активно формировалась задолго до войн с «католической и деспотической» Францией в «долгом» XVIII в. [15, p. 249–276].

Впрочем, роль «варваров» внутри Британской империи «в миниатюре» как проблема «Другого», еще ждет своего исследователя, несмотря на некоторые работы, появившиеся в последнее время [16, p. 610–615; 17]. Единство Англии и Шотландии, после заключения в 1707 г. унии, столь шаткое и неочевидное, нуждалось в укреплении. И в этой связи по-новому встает вопрос о соотношении лояльности и идентичности на островах. В качестве рабочей гипотезы необходимо заметить, что «континентальная» логика изучения имперской истории позволяет прийти к новому пониманию политики Лондона в выстраивании британской идентичности в Ирландии и Горной Шотландии. Ключевая для XVIII в. (до «национального» XIX в.) оппозиция «варварство» / «цивилизация» («британский» как «протестантский, англоязычный и лояльный официальному Лондону», т.е. «цивилизированный») демонстрирует не только предпочтение аккумуляции против ассимиляции в общебританском национальном проекте, но и выстраивание и перестраивание в этом контексте внутреннего «Другого» – в первой половине XVIII в. с акцентом на Горной Стране, во второй половине XVIII в. – уже на Ирландии. «Оказалось», что на Британских островах существуют два (скорее культурно, чем политически объединенных) региона: Великобритания (т.е. Англия и Шотландия (Нижняя Шотландия) и ее альтер-эго – «Ирландия» (т.е. собственно Ирландия и Горная Шотландия, чей язык и в XVIII в. по-прежнему называли ирландским). Вооруженная угроза, таким образом, начала играть роль в укреплении британского единства задолго до эпохи Наполеоновских войн и не только в связи со «второй Столетней войной» (на последнем обстоятельстве акцентируют внимание, например, Л.Колли, А.МакКиллоп, Х.Тревор-Рупер) [5; 11; 18]. В этом смысле «империя в миниатюре» содействовала строительству британской нации в не меньшей мере, чем империя за океанами.

Рассмотрение Соединенного Королевства как «империи в миниатюре» позволяет обратить более пристальное внимание и на соотношение «традиционности» и «модерности» морских и континентальных империй. Сегодня историки признают не только то, что традиционные континентальные империи в XVIII и особенно в XIX вв. уже не были вполне «традиционными», но и то, что в «модерных» морских империях сохранялось немало традиционных элементов общественного устройства и форм контроля над периферией. Д.Ливен, например, предлагает рассматривать Российскую и Британскую империи не только как континентальную и морскую, но и как империи на периферии Европы (подчеркивая схожий характер некоторых имперских стратегий этих держав) [19, p. 133–149]. И если в заморских колониях Лондон действительно широко использовал не прямые

формы правления, то в управлении Ирландией и Горной Шотландией институт наместничества (должность лорд-лейтенанта для Ирландии и отдельного государственного секретаря для Шотландии) существовал (с перерывом в Шотландии) на протяжении всего XVIII в., как и сословно-династические формы легитимации власти. В последний раз Лондон ввел прямое правление на «изумрудном острове» менее десяти лет назад (в связи с очередной вспышкой насилия в Северной Ирландии).

Не избежала Британская империя (на Британских островах и за океанами) и еще одной проблемы, считавшейся исключительно «континентальной» – проблемы лояльности народов и этнических групп, проживающих в сопредельных империях. А.Миллер в одном из своих эссе по методологии исторического исследования очень точно определил отношения между империями Габсбургов, Романовых, Османов и Гогенцоллернов по поводу «польского», «украинского», «армянского» и других национальных вопросов как «макросистему континентальных империй на окраинах Европы» [3, с. 32–42]. Но так ли эти отношения отличны от взаимодействия британцев, французов, испанцев и индейцев в Америке в XVIII в., или британцев и французов на «Черном континенте» в XIX в. (если мы говорим о заморской Британской империи)? Имеются ли здесь принципиальные отличия от политики Лондона в Ирландии в контексте тесных этнокультурных связей Северной Ирландии (Ольстера) и Горной Шотландии еще тогда, когда Лондон и Эдинбург были врагами? В конце концов, стремление Вильгельма III(II) Оранского удержать Ирландию было не в последнюю очередь вызвано тем, что остался Дублин за Джеймсом II Стюартом, тот, вероятно, не упустил бы возможность использовать давние историко-культурные связи Ольстера с Горной Страной в дальнейшей борьбе за престол. Еще в 1698 г. парламентарии Англии обсуждали невероятную «вероятность» прибытия из Ирландии в Горную Шотландию Александра МакДонелла, 3-го графа Энтрима, и «подъема» им «20.000 имени или клана МакДонелл» в Горной Стране против Короны [20, p. 184–188].

Таким образом, рассмотрение Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии как своеобразной «империи в миниатюре» в общеевропейском имперском контексте позволяет увидеть те механизмы государственного контроля Лондоном своих кельтских окраин, их военно-политического, экономического, социокультурного освоения и осмысления, которые трудно разглядеть при абсолютизации исключительности и уникальности морской и континентальной сути современных европейских империй. История Великобритании (как империи) при таком подходе (масштабе и ракурсе) обнаруживает амбивалентные черты морской и континентальной держав одновременно. Известный историк и специалист в области сравнительного изучения империй Д.Ливен однажды заметил, что между империями различий все же больше, чем сходства [21]. Со своей стороны хотелось бы добавить, что именно сходства позволяют увидеть различия. Именно такой подход к изучению британской истории делает возможным более основательное изучение процессов «строительства нации» на Британских островах. Речь, в частности, идет и процессе конструирования британской политической нации, по-разному понимавшемся по обе стороны англо-шотландской границы в связи с противоречивым характером и неоднозначными результатами унии 1707 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сили Дж.Р. Расширение Англии // Сили Дж.Р., Крэмб Дж.А. Британская империя. М.: Алгоритм, Эксмо, 2004. – 448 с.
2. Брендон П. Упадок и разрушение Британской империи 1781–1997. М.: АСТ, 2010. 957 с.
3. Миллер А. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.:

НЛО, 2008. 248 с.

4. Кеймен Г. Испания: дорога к империи. М.: АСТ, 2007. 768 с.

5. Colley L. Britons: Forging the Nation, 1707–1837. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1992. 429 p.

6. Hechter M. Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966. Berkeley: University of California Press, 1975. 361 p.

7. Withers C.W.J. Gaelic Scotland. The Transformation of a Culture Region. London: Routledge, 1988. 464 p.

8. Ellis S.G. Why the History of “the Celtic Fringe” Remains Unwritten // European Review of History: Revue europeenne d’histoire, 10:2. London: Routledge, 2003. 221–231 pp.

9. Апрыщенко В.Ю. Уния и модернизация: становление шотландской национальной идентичности в XVIII – первой половине XIX в. Ростов н/Д: Южный федеральный университет, 2008. 288 с.

10. Малкин С.Г. «Мятежный край Его Величества»: британское военное присутствие в Горной Шотландии в 1715–1745 гг. СПб: Дмитрий Буланин, 2011. 256 с.

11. MacKillop A. “More Fruitful Than The Soil”: Army, Empire and the Scottish Highlands. 1715–1815. East Linton, East Lothian: Tuckwell Press, 2000. 290 p.

12. Dziennik M. The Fatal Land: War, Empire, and the Highland Soldier in British America, 1756–1783. Vol. I. Ph.D. thesis, University of Edinburgh, 2010. 256 p.

13. Plank G. Rebellion and Savagery: The Jacobite Rising of 1745 and the British Empire. Philadelphia: University of

Pennsylvania Press, 2006. 272 p.

14. Ohlmeyer J.H. A Laboratory for Empire?: Early Modern Ireland and English Imperialism // Ireland and the British Empire. The Oxford History of the British Empire. Companion Series / Ed. by K. Kenny. Oxford: Oxford University Press, 2004. 296 p.

15. Clark J.C.D. Protestantism, Nationalism, and National Identity, 1660–1832 // The Historical Journal. Vol. 43. No. 1 (Mar., 2000). Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 249–276 pp.

16. Wickman M. Review. Enlightenment and Its Others. Why They Still Matter, or Not // Eighteenth-Century Studies. Vol. 36. No. 4 (Summer, 2003). Baltimore, The Johns Hopkins University Press, 2003. 610–615 pp.

17. Bickham T. Savages within the Empire. Representations of American Indians in Eighteenth-century Britain. Oxford: Oxford University Press, 2005. 301 p.

18. Trevor-Roper H. The Invention of Tradition: The Highland Tradition of Scotland // The Invention of Tradition / Ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 320 p.

19. Lieven D. Empire on Europe’s Periphery: Russian and Western Comparisons // Imperial Rule / Ed. by A. Miller and A.J. Rieber. Budapest – New York: CEU Press, 2004. 212 p.

20. The Journal of the House of Commons. Vol. 12. London: History of Parliament Trust, 1803. 688 p.

21. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007. 679 с.

«EMPIRE IN MINIATURE»: THE HISTORY OF GREAT BRITAIN IN SEARCH OF SCALE AND FORERHORTENING

© 2013

S.G. Malkin, candidate of the historical sciences, associate professor of the department of «World history and methodology of education»
Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara (Russia)

Annotation: The article deals with contemporary approaches in historiography of the British Empire, especial attention paid to scientific perspectives of comparative researches of marginal and colonial policy of modern European empires, interrelations between parallel processes of formation of national identity and imperial building.

Keywords: empire, colony, margin, Great Britain, Scotland, Ireland.

УДК 159.9:37.015.3

ПОНЯТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БАРЬЕРА В ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

© 2013

В.А. Манина, аспирант кафедры «Возрастной и педагогической психологии»
Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург (Россия)

Аннотация: В статье изложен анализ основных зарубежных концепций, раскрывающих суть психологического барьера. Рассматриваются барьеры с точки зрения психоаналитического, гуманистического и когнитивного направлений.

Ключевые слова: психологический барьер, зарубежные концепции, преодоление барьеров.

Изучение отечественной и зарубежной литературы по проблеме профессионального развития позволяет сказать, что тематическим ядром научных исследований являлось однонаправленное прогрессивное изменение деятельности и личности обучаемого или специалиста. Основные задачи научных поисков упирались в выявление механизмов, закономерностей, особенностей успешного профессионального развития, а также в разработку эффективных психолого-педагогических технологий актуализации личностно-профессионального потенциала [1].

Помимо изучения взаимосвязи человека с профессией через призму адаптации личности к деятельности изучались еще и негативные факторы, влияющие на профессиональную деятельность. Многие исследователи подчеркивали, что в профессиональном развитии человека наблюдаются периоды регресса, дезадаптации, стагнации, кризисы и деформации.

Наша жизнь складывается из процесса преодоления непрерывной цепи преград, препятствий – физических, духовных, социальных, ценностных, информационных

и т.д. Преодоление помех, встречающихся на нашем пути, приводит к удовлетворению наших потребностей.

Для преодоления преград, мешающих достижению поставленных целей, человеку нужны знания и умения, воля, энергия, изобретательность, способность, характер. Вся наша жизнь, непрерывная психическая активность, радость побед и горечь поражений – все это связано с перипетиями процесса преодоления различных препятствий.

Большинство помех и препятствий можно свести к понятию «барьер» (от франц. *barriere*, англ. *barrier* – преграда, препятствие), которое в психологическом смысле рассматривается как состояние личности, которое не позволяет личности реализовать тот или иной вид деятельности или общения.

Большинство концепций, имеющих в отечественной и зарубежной психологии, можно условно разделить на две группы: представители первого подхода считают, что барьеры препятствуют выполняемой деятельности (учебной или трудовой), тормозят ее и вызывают пассивность субъекта деятельности, вторая же группа